

Взаимодействие языка и культуры в трудах В. Г. Костомарова (от лингвострановедения к лингвокультурологии)

В. А. Маслова

*д-р филол. наук, профессор,
профессор кафедры дошкольного
и начального образования
Витебского государственного
университета имени
П. М. Машерова
Витебск, Белоруссия
mvavit@tut.by*

В статье рассматриваются основные работы В. Г. Костомарова (созданные в соавторстве с Е. М. Верещагиным), заложившие основу лингвострановедения, которое, в свою очередь, породило лингвокультурологию. В статье показано, что изначально в лингвострановедении выделяется два аспекта – филологический (лингвистический) и лингводидактический (методический). Каждый из них дал толчок для развития разных научных направлений – филологический стал фундаментом лингвокультурологии, методический – основой методики преподавания РКИ. Оба направления интегративны, так как впитывают в себя знания целого ряда наук – лингвистики, культурологии, литературоведения, семиотики, психологической теории сознания и др.

Ключевые слова:
лингвострановедение,
лингвокультурология,
методики преподавания
РКИ, интегративность,
сапиентема,
лингвокультурный концепт

DOI: 10.37632/Pl.2025.309.2.007

В италий Григорьевич Костомаров создал более 200 научных и учебно-методических работ, в том числе труды «Лингвострановедческая теория слова» (в соавторстве с Е. М. Верещагиным, 1980); «Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного» (в соавторстве с Е. М. Верещагиным, 1973); «Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы» (в соавторстве с Е. М. Верещагиным, 2000); «Стилистика, любовь моей жизни» (2019) и многие другие.

Среди его творческого наследия есть книги для детей («Жизнь языка»), научно-популярные работы («Вот лучшее учение», интереснейшая работа о влиянии чтения на развитие интеллекта), работа о нормах языка и механизмах их изменения, о влиянии общества на язык; книга для туристов, работы о русском языке на газетной полосе и русском языке для взрослых и т. д.

Особую значимость в его научном творчестве приобрела книга, вышедшая еще в 1973 г., — «Язык и культура: лингвострановедение в преподавании РКИ», написанная в соавторстве с Е. М. Верещагиным и ставшая началом концепции лингвострановедения. Окончательно эта концепция оформилась в книге «Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы», которая является итогом научных изысканий авторов в этой области и началом не только новой методики преподавания РКИ, но и лингвокультурологии.

Цель данной статьи — показать, что идеи, представленные в лингвострановедении, легли в основу новой методики преподавания РКИ, а в своей филологической части породили лингвокультурологию.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе использовались общенаучные методы — описание, анализ, обобщение. Реализация поставленных целей вызвала необходимость использования комплексной методики: методов описательного и лингвокультурологического анализов. Метод лингвокультурологической интерпретации использовался с целью выявления культураносных элементов в тексте. В практике семантических исследований совмещались методики синхронического и диахронического анализа при реконструкции концепта *кружение*.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В лингвострановедении поднимаются актуальные вопросы, помогающие установить ту информацию, которая заложена в языке и художественном тексте как носителях национально-культурных смыслов, и использование этих знаний в современной методике обучения РКИ. Благодаря работам В. Г. Костомарова и Е. М. Верещагина была принята точка зрения, согласно которой без познания

культуры и менталитета народа, носителя изучаемого языка, невозможно понять этот народ, спрогнозировать его речевое и неречевое поведение. Поэтому лингвострановедческая работа при обучении языку — это важная цель его изучения, а не сопутствующий аспект. И тогда познание культуры становится целью, равновеликой изучению самого языка. Созданное В. Г. Костомаровым лингвострановедение легло в основу следующего нового направления, изучающего взаимодействие языка и культуры, — лингвокультурологии, которая родилась в начале 90-х гг. XX в. Лингвокультурология многогранна и синтетична, предметом ее исследования являются проблемы человека в языке, языка в человеке, культуре и социуме.

Важнейшей характеристикой лингвокультурологии стало доказательство того факта, что каждый язык немного по-своему видит и понимает мир, т. е. имеет свой способ его концептуализации. Это мировидение закреплено в языковых концептах, совокупность которых образует национальную языковую картину мира, а языковая личность строит высказывание в соответствии с этой картиной.

ОБСУЖДЕНИЕ

В книге «Стилистика, любовь моей жизни» подробно и всесторонне изложена важнейшая теоретическая проблема взаимосвязи и взаимовлияния языка и культуры. Язык представляет собой сложное многомерное явление, «труднопостижимое создание» [4: 4], состоящее из множества компонентов: звуковую сторону языка изучает фонетика, словарный состав — лексикология, способы и средства построения слов и предложений — грамматика и т. д. Но в языке зафиксировано и сохраняется национальное мировосприятие и миропонимание, поэтому авторы данной работы считали, что лингвострановедение должно изучать артефакты национальной культуры, представленные в языке. «Язык развивается по своим внутренним законам, однако эти законы действуют только тогда, когда язык живет, когда

им пользуются» [4: 4]. И это абсолютно справедливо, поскольку язык является уникальной способностью человека, сопровождающей и пронизывающей всю его деятельность. Не существует, кажется, ни одного вида деятельности, где бы ни применялся язык как средство установления взаимодействия. Виталий Григорьевич считал, что путь познания страны через язык настолько же важен, насколько и изучение самого языка, поэтому лингвострановедческая работа учителя-русиста — это не просто дополнение к изучению языка, а специальная цель его изучения. Насыщение урока национально-культурной информацией вытекает именно из задач обучения самому языку как адекватному средству общения. Лингвокультурология пошла здесь еще дальше, предлагая при изучении русского языка включать данные не только русской, но и элементы родной культуры, что многократно повышает интерес и ускоряет процесс изучения языка.

Виталий Григорьевич считал, что лингвострановедение «составляют два больших круга вопросов — филологический (по преимуществу лингвистический) и лингводидактический (методический)» [1: 6]. Лингводидактический круг вопросов породил современную методику обучения РКИ, в основе которой находится решение задач непосредственного обучения русскому языку совместно с задачами изучения страны. Тогда задачей лингвострановедения является необходимость обратить внимание на такие единицы языка, которые воспринимаются как носители национально-культурной семантики. При этом в предмет исследования входит поиск преподавательских приемов презентации и активизации культурно-специфичных языковых единиц и прочтения текстов с последующим их комментированием на практических языковых занятиях с опорой на культурные реалии. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров так определяют лингвострановедение: это «такая организация изучения русского языка, благодаря которой иностранные школьники, студенты, стажеры, аспиранты, другие категории изучающих русский язык знакомятся

с настоящим и прошлым русского народа, с его национальной культурой через посредство языка и в процессе овладения им» [1: 4].

Что касается методического аспекта лингвострановедения, то мы считаем также важным выдвижение на первый план в преподавании языка формирования у студентов позитивного отношения к народу, носителю изучаемого языка.

В работе «Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного» соавторы обратили внимание на то, что в современной методике уделяется мало внимания роли языка в формировании языковой личности, в ее социализации и вхождении в культуру. Благодаря работам Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова установилась точка зрения, согласно которой без познания культуры и менталитета народа, язык которого изучается, невозможно понять этот народ, спрогнозировать тактику его речевого поведения. Авторы утверждают, что следует изучать и учитывать не только жесты, мимику, интонацию, но и дистанцию в процессе общения, речевой этикет и множество других факторов, которые сопутствуют коммуникации.

Отличительной чертой данной работы стало признание интегративности лингвострановедения, когда знания, полученные в философии, психологии, социальной лингвистике, литературоведении и других областях научных знаний, активно используются при разработке теоретических проблем. Интегративность проявляется прежде всего в широте тех проблем, которые рассматривают авторы книги. Например, при анализе художественного текста авторы не только допускают, но и обосновывают разноголосицу его интерпретаций; язык рассматривается не только с позиций функционирования, но и как хранитель духовных ценностей русской культуры. Очень важным аспектом в концепции авторов является взгляд на текст как источник национальных речеповеденческих тактик.

Русский язык имеет еще одну яркую черту — особую эмоциональность, на что обратил внимание В. Г. Костомаров. Казалось бы, эмоция универсальна для разных народов,

поскольку это универсальная черта личности. Но язык показывает, что большинство эмоций национально-специфичны, например, *страх* — русские боятся темноты, змей, белорусы — войны, а якуты — гнета (материалы ассоциативного словаря).

Рассмотрение названных проблем детерминировано многогранностью феноменов языка и культуры, многоаспектностью их связей, когда решение одной проблемы способствует прояснению множества других вопросов. «Книга-веха» и книга века» — назвал ее Ю. С. Степанов в послесловии к книге «Язык и культура...» [2: 1032].

В данной работе открываются перспективы дальнейшей разработки проблемы взаимодействия языка и культуры, например, представлена оригинальная концепция сапиентемы на примере понятий *дом*, *жилище*. Эта проблема в несколько ином свете получила развитие в понятии лингвокультурного концепта.

Мы можем с уверенностью сказать, что лингвострановедение заложило основы для следующего направления, изучающего взаимодействие языка и культуры, — лингвокультурологии. Ее предметом стали «национальные формы бытия, зафиксированные и хранящиеся в языке» [10: 67]. Позднее эти идеи были сформулированы и последовательно развивались в работах В. Н. Телии, и развивались они на подготовленной почве: кроме работ Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, известны труды М. М. Покровского, который показал, что «содержание языка в значительной мере определяется культурными реалиями, т. е. культура помогает понять процессы, происходящие в языке, а анализ языковых данных, в свою очередь, помогает проникнуть в сферу культуры» [7: 77–78]. Особую важность здесь имеют национально-культурные ценности, лежащие и в основе культурных концептов, и в основе языковой картины мира, которую ребенок получает с раннего детства. Например, только для русских волк — *серенький волчок*, который может все же схватить за бочок.

Лингвокультурология не просто выявляет национально-культурные особенности единиц

языка, но и устанавливает механизмы включения в язык, а также извлечения оттуда культурной информации, а это фундаментальные вопросы взаимодействия человека, его сознания и поведения, языка и культуры.

Если лингвострановедение в понимании В. Г. Костомарова отвечает на вопросы, **что** говорят и **как** говорят, то в **лингвокультурологии** пытаются найти ответ на вопрос, **почему** так говорят. Именно лингвокультурология, в фундаменте которой лежит лингвострановедение, объясняет случаи, когда для ответа нужны знания культуры, ибо русское слово является также носителем культурной семантики. При этом русский язык «сам по себе, автоматически не «отдает» хранимую им информацию» [1: 7]. И действительно, объяснить иностранцам, почему фразеологизм *ждать у моря погоды*, обозначающий в прямом понимании позитивное действие (отдых у моря в ожидании погоды), имеет негативную коннотацию, опираясь только на язык, трудно. Здесь нужно знание культуры: в русской лингвокультуре человек должен быть деятельным, а не пассивным (*под лежащий камень вода не течет*).

К концу первой четверти третьего тысячелетия сформировался целый ряд направлений лингвокультурологии: от теоретической и философской лингвокультурологии до сопоставительной, аксиологической, экспериментальной и синергетической лингвокультурологии. И этот список будет продолжен.

Наибольшую распространенность получила прикладная лингвокультурология, т. е. лингвострановедение на новом этапе: это методический аспект проблемы взаимовлияния языка и культуры (В. М. Шаклеин, В. В. Воробьев, В. П. Синячкин).

Идея В. Г. Костомарова о необходимости изучать взаимосвязь и взаимовлияния языка и культуры породила немало продуктивных направлений и понятий — **язык культуры**, **культурный концепт**, **культурный фон**, **коды культуры**, **языковая картина мира** и др.

Например, русская цветовая картина мира при едином для всего человечества цветовом спектре специфична: *зависть черная и белая*,

тоска зеленая, кровь голубая, жизнь серая, мысли черные и светлые, очки розовые, мечты голубые, пресса желтая, коричневая чума, зеленая улица, черная вдова, белая ворона, синий чулок, серая схема и т. д. При таком подходе получается, что сама культура — это пространство культурных смыслов, ценностей, вырабатываемых человеком и процессе миропонимания, и кодов, закрепляющих эти культурные смыслы.

В сфере особого внимания лингвокультурологов находятся мифы, легенды, притчи, паремии, фольклорные и поэтические тексты и др.

Думается, что важнейшим отличием лингвострановедения и лингвокультурологии является также следующее: лингвострановедение, особенно на начальном этапе своего развития, изучало артефакты материальной культуры, в то время как лингвокультурологию интересуют второсущности — вторичная номинация. Так, анализируя семантику фразеологизма *дрожать над каждой копейкой*, В. Н. Телия справедливо отмечает, что здесь «фокусируется не вещный образ копейки, а знание о том, что копейка — эталон минимальной денежной единицы. Благодаря такого рода восприятию образного основания фразеологизмов, в которые входят слова-эталоны, фразеологизмы приобщаются к языку культуры» [10: 242–243]. При этом одна лингвокультурологическая единица может одновременно принадлежать нескольким семиотическим системам: стереотип ритуала может войти в поговорку, а потом превратиться во фразеологизм; например, современный жаргонный фразеологизм *есть землю* был когда-то ритуалом (землю ели в качестве закрепления клятвы), была и поговорка *Держись за землю: трава обманет* (В. Даль), *поклониться земле*, где *земля* имеет сходное значение — земля как «нечто священное».

Концепция **сапиентемы** в работе В. Г. Костомарова и Е. М. Верещагина получила продолжение в понятии **лингвокультурного концепта**. Лингвокультурный концепт — это ментальное образование, выраженное в языке двусторонними единицами (лексемами, фразеологизмами и т. д.), в которых эксплицировано

или спрятано национально-культурное представление о реальном, виртуальном или внутреннем мире человека. Важной чертой лингвокультурного концепта выступает также его одновременное существование в индивидуальном сознании личности и коллективном сознании этноса, закреплённом в языке. Именно в лингвокультурологии установлено, что концепт не является четким понятием с организованной структурой, он, по замечанию Ю. С. Степанова [9: 19], существует в виде «пучка» ассоциаций, коннотаций, представлений, оценок, переживаний, репрезентированных в языке единицами разных уровней. Концепты — своего рода компас, который помогает нам ориентироваться в лабиринте культурных смыслов.

Одним из базовых концептов в русской лингвокультуре является концепт *кружение* [3]. Считается, ракурс зрения одного человека — 60 градусов, поэтому, чтобы возникла объективная картина мира, нужно не менее 6 человек, но чем больше людей будет обращено друг к другу, тем точнее будут конкретные знания. А это хоровод — образ объективного знания, либо один, но кружащийся вокруг своей оси человек. Кружение первично и естественно в мире: вселенная кружится, кружатся планеты; физики конца XX в. создали теорию торсионных полей (*torsion* — англ. — кручение), согласно которой любой крутящийся объект создает поле, и все пространство Вселенной заполнено бесконечным числом малых вихрей. Душа русского человека, по мнению Н. В. Гоголя, стремится также к кружению: «Его ли душе, стремящейся закружиться, разгуляться...»

Народный хоровод тоже имеет связь с кружениями, с ритуальными хороводами вокруг огня, алтаря или идола. Сходные значения в мировой и русской культуре имеют круг, колесо, вихрь, метель, кувыркание и подобные. Они наделяются в народной культуре демоническими свойствами. Это одна из ипостасей ведьм и колдунов. Попадают под их чары при воздействии колеса, катание которого у многих народов имело значение оберега

от нечистой силы, например, в весенне-летних обрядах славян (на Витебщине — на Купалу).

При незначительном позитивном спектре значений-символов кручение-верчение у славян имело негативную семантику. У русских, например, этимологически связаны *крутить* и *кручина*. Негативные смыслы есть и у слов «вихрь» (*Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя...*), «вить» (*вить веревки* — 'по собственному произволу распоряжаться безвольным человеком'), «витье», «Вий» (один из адских царей, посылающий ночные кошмары и привидения) и других слов, семантически связанных с *кручением*, *кружением*.

Очень интересно реализуется этот концепт в поэзии М. Цветаевой, которую как истинного певца русской культуры не могла не захватить мистика кружения. Сам факт неоднократного введения этих слов в поэзию (мы их насчитали более 100) свидетельствует о важности его для поэта.

В произведениях М. Цветаевой концепт кружения сложен и многогранен. Кружение, метель — это предчувствие беды, трагедии: *Февраль. Кривые дороги. / В полях — метель. / ... То вскачь по хребтам наклонным, / То снова — круть...*¹ Кружение у М. Цветаевой — это и ощущение греха: *Грех над церковкой златоглавою / Кружить — и не молиться в ней.*

В поэме «Молодец» пляска, вихрь, «выкрут» — сюжетообразующий феномен, без проникновения в тайны которого невозможно полное понимание поэмы. В самом начале гулянье девушек сопровождается пляской, пляшет нечистая сила: *Вьется, лепится / Черной немочью.* Многие ее поэмы пронизаны плясками, из круговерти которых вырисовывается сюжет. Поэма «Царь-Девница» вся насыщена идеей кружения, вихря, танца. Вихрь организует наиболее важные сцены, композицию, звуковой и ритмический строй поэмы. Например, в «Ночи третьей» — сначала загадочно-странная, потом бешеная пляска: *Ой, в пляс пошла, помилуй Бог вас, стар и млад! / ... (Ох, не пляшут*

так, жена, пред муженьком!). Женское влечение в «Царь-Девнице» также имеет вихревую кульминацию: *И — взыграв как целый град Содом — / Закрутилась дымовым столбом*, т. е. пляска, вихрь — это еще и страсть, пылкость, это стихия любви и творчества. М. Цветаева рифмует *пляс* и *плач*, как бы заражая слово *пляс* негативной семантикой плача.

Таким образом, концепты *кружение*, *круг*, *вихрь*, *пляска* в русской лингвокультуре сходны по своим магическим действиям. В поэтическом мире М. Цветаевой они становятся репрезентантами различных смыслов, которые отражают интенцию автора, ее личность, жизнь, творчество, делая их неразделимыми. У М. Цветаевой стихия и история движутся вихрем, смерчем, взвиваясь и отплясывая. Она конструирует собственную реальность, и ее ментальный мир так же значителен и глубок, как и реальный. Все это подтверждает значимость для русской культуры концепта *кружение*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвострановедение и лингвокультурология находятся между собой в родовидовых отношениях. При таком подходе лингвострановедение — это прикладная область лингвокультурологии. Без обоих этих направлений невозможно представить себе изучение любого языка. Думается, что культурологизация методических исследований позволит преодолеть концептуальную отсталость методики.

Современный мир быстро меняется, поэтому пути дальнейшего развития лингвокультурологии с полной уверенностью предсказывать рискованно. Однако интуиция, основанная на опыте, позволяет нам очертить 2–3 вектора ее развития в перспективе, которые помогут объяснить, как будут взаимодействовать язык и культура с позиции новых данных в быстро меняющемся мире [6].

Один из них связан со сменой парадигмы — антропоцентрической на теoантропокосмическую, переход на которую разрабатывает В. И. Постовалова [8]. Язык — живое

¹ Здесь и далее цит. по кн.: Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. М., 1995.

порождение духа, о чем писал еще В. фон Гумбольдт. Развиваясь вместе с национальным сознанием, основанном на христианском мировидении, русский язык вобрал в себя православную культуру, сам став ее важным элементом и строительным материалом. В других языках это выражено значительно слабее. Например, русское духовное выражение *благая весть* на английский язык переводится как *хорошие новости*; русское слово *честь* также содержит духовные смыслы, которые, хотя и исчезли из современного языка (ср. *честный человек*), но отблески смысла *честность* как *святость* сохранились в выражениях *всечестные отцы*, в пословице *Честь ум рождает, а бесчестье и последний отнимает*. Как видим, русский язык чудом сохраняет сакральные смыслы. Учет духовной составляющей позволяет увидеть глубинные смыслы и позволит открыть новые горизонты в проблеме взаимосвязи языка и культуры.

Второй вектор развития лингвокультурологии будущего — ее интеграция с еще большим количеством наук естественного

цикла — нейробиологией, генетикой, квантовой физикой и др. [5].

Третий вектор — внимание к глубинным знаниям в языке и культуре, которые можно экстеризовать в лингвокультурологии. В русской культуре было замечено негативное отношение к точным словам: слово, особенно поэтическое, должно быть диффузным, не совсем понятным, с тайными глубинными смыслами. Так, Ф. М. Достоевский писал: «Князь был немного ограничен и потому любил в слове точность» («Подросток»).

Глубинные знания, как утверждал В. Г. Костомаров, — это «симфония голосов прошлого», они рождаются из истории и культурных смыслов. Но еще они возникают из асимметрии языка (от греч. «несоразмерность, беспорядочность»), т. е. при отступлении от единообразия в функционировании языка. В ядре языка хранятся типовые, например, для данной части речи формы и значения, на периферии — единицы языка, в которых есть расхождения между означаемым и означающим. Именно на периферии возникают и хранятся глубинные знания. ■

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Под ред. Ю. С. Степанова; Гос. Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М.: Индрик, 2005. 1037 с.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология: учеб. пособие / С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. И. Маслова, М. В. Пименова; под ред. М. В. Пименовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2025. С. 192–196.
4. Костомаров В. Г. Стилистика, любовь моей жизни... СПб.: Златоуст, М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. 184 с.
5. Маслова В. А. Синкретизм и междисциплинарность как доминирующая теория будущего // Лингвистика первой четверти XXI века. Тенденции, итоги и перспективы: Монография. М., 2024.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология сегодня: важнейшие проблемы и пути их решения // Лингвокультурологические чтения: Сборник статей Международной научно-практической конференции / Под ред. В. В. Воробьева, М. Л. Новиковой, Д. С. Скнарева. М., 2024.
7. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
8. Постовалова В. И. Теолингвистика. Истоки. Основания. Концепты. М., 2022.
9. Степанов Ю. С. Концепт. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007.
10. Телия В. Н. Русская фразеология. М., 1996.

References

1. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo. M.: Russkij yazyk, 1990. 246 s.
2. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie koncepcii: leksicheskogo fona, rechepovedencheskih taktik I sapientemy / Pod red. Yu. S. Stepanova; Gos. In-t Rus. Yaz. im. A. S. Pushkina. M.: Indrik, 2005. 1037 s.
3. Vorkachev S. G., Karasik V. I., Maslova V. I. & Pimenova, M. V. Linguocultural conceptology: Textbook. In M. V. Pimenova (Ed.). Saint Petersburg: Publishing House of SPbSUE. pp. 192–196.
4. Kostomarov V. G. Stilistika, lyubov' moej zhizni... SPb.: Zlatoust, M.: Gos. IRYa im. A. S. Pushkina, 2019. 184 s.
5. Maslova V. A. Sinkretizm i mezhdisciplinarnost' kak dominiruyushchaya teoriya budushchego // Lingvistika pervoj chetverti XXI veka. Tendentsii, itogi i perspektivy: Monografiya. M., 2024.
6. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya segodnya: vazhnejshie problemy i puti ih resheniya // Lingvokul'turologicheskie chteniya: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii / Pod red. V. V. Vorob'eva, M. L. Novikovej, D. S. Sknareva. M., 2024.
7. Pokrovskij M. M. Izbrannye raboty po yazykoznaniyu. M., 1959.
8. Postovalova V. I. Teolingvistika. Istoki. Osnovaniya. Koncepty. M., 2022.
9. Stepanov Yu. S. Koncept. Tonkaya plenka civilizatsii. M., 2007.
10. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. M., 1996.

V. A. Maslova

*P. M. Masharov Vitebsk State University
Vitebsk, Belarus*

Interaction of Language and Culture in the Works of V. G. Kostomarov (From Linguistic Area Studies to Linguoculturology)

Keywords: linguistic and cultural studies, methods of teaching Russian as a foreign language, integrativity, sapientema, linguistic and cultural concept.

The article examines the main works of V. G. Kostomarov (created in collaboration with E. M. Vereshchagin), which laid the foundations of a branch of linguistics that, in turn, gave rise to linguoculturology. The article shows that initially two aspects were distinguished in linguistics – philological (linguistic) and linguodidactic (methodological). Each of them gave an impetus to the development of different scientific fields – philological aspect became the foundation of linguoculturology, methodological aspect became the basis of a new methodology of teaching Russian as a foreign language. Both directions are integrative, as they absorb the knowledge of a number of sciences – linguistics, cultural studies, literary studies, semiotics, psychological theory of consciousness, etc.